

30 ЯНВ 1962 Краснопярский рабочий

В СЕНТЯБРЕ 1962 года скончался Николай Погодин — крупный драматург, один из основоположников нового советского театрального искусства. Его работоспособность была поистине поразительной — в год он успевал сделать столько, сколько иной не писал в десятилетие.

Николай Погодин очень любил подмосковный дачный поселок Переделкино, свой письменный стол и ежедневную работу. Но за последние полтора года ему пришлось побывать во Франции, Швейцарии, Польше, Чехословакии, Америке. Это не было страстью к путешествиям, к бесцельной перемене мест. Это были творческие командировки, связанные с литературной деятельностью. Во Франции переводили его «Янтарное ожерелье» и «Маленькую студентку». В Швейцарии он встретился с Чарли Чаплином, говорил с ним об Эйнштейне, о своей будущей пьесе. В Польшу Погодин был приглашен на премьеру «Третьей патетической», а в Чехословакию — на премьеры «Кремлевских курантов» и «Аристократов».

В Америку он в основном поехал, чтобы побывать в музее Альберта Эйнштейна в Принстоне, окунуться в атмосферу его последнего трагического периода жизни, который Погодин пытался воссоздать в пьесе «Альберт Эйнштейн». Хотя посещения зарубежных стран носили для Погодина сугубо творческий характер, он всегда себя чувствовал там советским полпредом. Перед поездкой в Америку в мае 1962 года он даже написал тезисы своей будущей беседы с американцами, чего раньше никогда не делал, будучи блестящим импровизатором и острым полемистом.

Многие помнят его яркие очерки-отчеты о встрече с Чарли Чаплином, о Праге театральной, но смерть не дала писателю возможности поделиться с читателем своим открытием Америки.

Я считаю своим долгом близкого и доверенного человека, проработавшего литературным секретарем писателя 27 лет, рассказать о его заочной беседе с Америкой. В тот вечер я работал за письменным столом, а Погодин, низко склонив голову, писал за овальным

столиком конспект своей беседы с Америкой. Затем он встал, держа в руке мелко исписанный голубой лист бумаги и, чопорно поклонившись в мою сторону, произнес:

«Уважаемые леди и джентльмены...».

Я понял, что Погодину стало тесно в недоговоренности конспекта, что его подняло вдохновение и сейчас он начнет импровизировать молодым голосом с четкой актерской дикцией. И я привычно приготовился к записи.

Николай Погодин беседует с Америкой

«Я НЕ БУДУ читать лекций, потому что никогда этого не делал. Это будет краткий, по возможности не очень скучный рассказ о том, что представляет собой новое русское искусство, или, как принято говорить, советское искусство. Термином «советское искусство» многие годы пугали людей на Западе, пугают и теперь, и я не скрою от вас, что цель моя — побороться с химерами, потому что химеры иногда обладают мистической силой апокалипсиса. Это моя тайная цель. Но я ее прямо открываю, чтобы помочь тем, кто станет ломать голову в поисках моих тайных целей».

Будем считать эту часть вступлением, а теперь я буду представляться как единица культурного обмена для контакта. Я драматург. Не большое. Написал много плохих вещей, но было у меня несколько таких, которые сделали мне имя. В Коммунистической партии не состою, что не мешает мне успешно работать в искусстве. Следовательно, я буду говорить о той сфере нашей жизни, которую знаю лучше всего — о драматургической литерату-

ре и театре. Но что такое театр? Как по Еврипиду (тому, что для нас осталось от его театра) мы можем судить о греческой цивилизации, как по Чехову на Западе начинают теперь понимать причины распада старого общества России, так и по новому театру России можно увидеть, как живет молодая революционная страна».

Он искоса заглянул в голубой листок и с большим сожалением сказал:

«Но этого театра вы не знаете. Наши пьесы у вас не идут, как не шли вообще русские пьесы, поэтому я просто кое-что расскажу вам, чтобы поднять занавес над духовной жизнью нашего общества. Моя сценическая жизнь начиналась в 1929 году, когда я не знал, что она начинается. Тогда я был газетчиком, работал в «Правде», и был послан на Волгу, в тот город, которому суждено было сделаться легендарным, где строился первый в России специальный мощный тракторный завод. Америка тогда нас не признавала ни де-факто, ни де-

юре. Это было чуть-чуть смешно, простите».

И Погодин вежливо поклонился в мою сторону.

«Смешно потому, что к этому времени мы принимали серьезное участие в международной жизни. Но было и другое. Реальные люди из делового мира Америки вели с нами торговлю, принимали наши заказы, и на стройке завода, гиганта первой пятилетки, я увидел необычайную, даже романтическую фигуру инженера-строителя, который работал прямо в поле и походил на командира в горячем бою. Это был инженер Колдер — Джек Колдер, американец. Он ходил с двумя нашими переводчиками, отдавал приказания по планировке площадки, а я издали с изумлением следил за стилем его работы. Об американском стиле работы вам рассказывать не надо. Я на деле впервые столкнулся с

практическим американизмом и был покорен им. Впрочем, не я один. Вскоре мы сдружились».

Ваш соотечественник любил выпить, в те годы я тоже...

Колдер только сожалел, что мы с ним за вечер, сидя за русской водкой, пропивали по американским ценам уйму денег. Однако мы сидели с толком. Колдер говорил. И как это ни удивительно, его разговоры давали мне веру в наше будущее, ибо он серьезно и точно приводил мне примеры по экономическому развитию Америки. Он мне не раз говорил: «Вы нас догоните». Вот видите, какие странные вещи случаются в жизни. Американец оказался коммунистическим пророком. Он считал, что у России, такой, как она есть, выбранный ею путь — единственно надежный. Все прочее он называл «политико», которая его не занимала. Эти вещи изумляют меня теперь, через 33 года, когда я стал кое-что понимать. Тогда меня изумляли темпы строительства с их американизмом и нашим умением подхватывать предложенные темпы».

Ведь вы нас рассматриваете теперь такими, как мы есть, без нашего прошлого. Поэтому вы иногда нас трагически не понимаете, ибо то, что для американца было нормой тридцать лет тому назад, для меня тогда было фантастикой. И прежде всего фантастичны были темпы этого нового и гигантского строительства. Я был покорен этими темпами и размахом и смелостью двух руководителей этой стройки — директора Василия Иванова и его правой руки Джека Колдера.

Газета «Правда» напечатала мою корреспонденцию «Темп», но мне этого было мало, и я вдруг решил рассказать об этом чуде на Волге через театр — я сел писать пьесу. Я писал ее, как во сне, или, как говорят у нас, «запоём». Лица, события, а главное, дух жизни бился во мне, и я за семь дней написал эту свою первую пьесу, которую также назвал «Темп». Была она поставлена в одном из лучших театров Москвы и шла по всей стране, на сценах четырехсот театров.

Действие этой пьесы вели директор строительства и инженер-американец, который там уже именовался мистером Картером. Я не буду утомлять вас пересказом собственной пьесы. Важно понять другое...

(Окончание следует).